

И. А. Едошина

Волошинский текст Евгения Архиппова: «ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ»

В статье исследуется «ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ» Е. Я. Архиппова как текст культуры, возникший в результате его переписки с М. А. Волошиным, знакомства с картинами М. А. Волошина и К. Ф. Богаевского, путешествия в Коктебель в Дом поэта (М. А. Волошина). Отмечается общий драматизм времени, порожденный переворотами 1917 г. и приходом к власти большевиков. Анализируемый текст позволяет увидеть в его авторе самобытного мыслителя и писателя, чье восприятие мира пронизано архаикой. Отсюда – и название текста, написанное на древнегреческом языке и переводимое в публикации как «Киммерийский дневник». Автор статьи указывает на специально сделанную Архипповым грамматическую ошибку, объясняет ее историко-культурный смысл, дает возможные варианты перевода. Специальное внимание обращается на структуру текста, специфику именования каждого записанного дня, как эта специфика раскрывается. Составленный автором статьи текст из именований указывает на его эзотерический характер, отсылающий к мифологическим сюжетам и архаическому сознанию в целом. С этой особенностью согласуется выбранный Архипповым жанр – путешествие, которое предстает и как реальное передвижение по морю, по дому, по земле Киммерии, и как мысленное – по истории культуры в глубь веков. В Волошинском тексте культуры Архиппов воспроизводит ментальные основы синтеза архаики и современности.

Ключевые слова: текст культуры, архаика, миф, 1917 год, дневник, эпистолярный, именование, путешествие, ментальная специфика.

I. A. Edoshina

Voloshin's Text by E. Ya. Arkhipov: «ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ»

The article analyses «ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ» by E. Ya. Arkhipov as a text of culture, which arose as a result of his correspondence with M. A. Voloshin, his study of pictures by M. A. Voloshin and K. F. Bogaevsky, his trip to Koktebel and a visit to the House of the Poet (M. A. Voloshin). The article stresses the general drama of the time created by the coups of 1917th and the coming to power of the Bolsheviks. The analysed text allows one to see the author as an original thinker and writer, whose perception of the world is permeated with antiquity. Hence the name of the text, written in ancient Greek and translated in the published paper as «The Cimmerian Diary». The author of the article points out the deliberate grammatical mistake made by Arkhipov, explains its historical and cultural meaning, gives possible variants of the translation. Special attention is given to the structure of the text, the peculiarities of the naming of each recorded day, and the way this specificity is revealed. The text compiled from naming units by the author of the article points to its esoteric character, referring to mythological subjects and archaic consciousness as a whole. The genre chosen by Arkhipov is consistent with this feature – a journey that appears real moving at sea, at home, around the land of Cimmeria, and mental – around the history of culture into the depths of centuries. In Voloshin's text of culture, Arkhipov reproduces the mental basis for the synthesis of antiquity and modernity.

Keywords: text of culture, antiquity, myth, the year of 1917, diary, epistolary, naming, journey, mental specificity.

До выхода в 2016 г. подготовленного Т. Ф. Нешумовой двухтомника Евгения Яковлевича Архиппова (1880/1881–1950) [11, с. 461] под названием «Рассыпанный стеклярус» его имя встречалось мне в комментариях и воспринималось как контекстное. Об этом же свидетельствует краткость сведений об Архиппове в справочных изданиях. Так, в «Розановской энциклопедии» статья об Архиппове состоит ровно из трех предложений, даются иные, чем в указанном издании, сведения о годе рождения – 1882/1883 [12, стлб. 90]. Хотя написана эта, скорее, даже не статья, а заметка человеком сведущим и уважаемым (А. В. Ломоносовым), а дата рождения, видимо, взята из статьи в словаре «Русские писатели». Статья эта в два столбца написана еще более из-

вестным исследователем (академиком А. В. Лавровым) [13, с. 112–113]. Причем сухие статистические сведения сопровождаются критическими замечаниями в адрес Архиппова (самого автора статьи и современников Архиппова). Упоминается Архиппов в связи с его мемуарами об Эрне и Флоренском в шеститомном труде игумена Андроника (Трубачева) [1, с. 80–81]. Я привела только несколько примеров, хотя их можно было бы продолжить. Вышедший двухтомник вывел Архиппова из «кратких сведений», комментаторских «подвалов» и открыл самобытную личность: «...не спутник литературы, но сам литератор истинный, нашедший свой стиль» [цит. по: 11, с. 464].

Октябрьский переворот разломил русскую жизнь на время «до» и время «после». Архиппов (в отличие от Волошина) рано, со студенческих лет, сочувствовал революционным настроениям. Но реальность произошедших переворотов 1917 г., та самая реальность «после», оказалась так ужасна, что, «казалось, кровь застыла навсегда» [3, с. 73]. Судьбы творческих людей, попавших в излом эпохи, полны драматизма: одни умирали от холода и голода, другие попадали в большевистские застенки и погибали, третьи бежали за границу. Архиппов, как и Волошин, принадлежали к тем, кто, остался в стране и пытался выжить. В этих условиях жизнотворчество наполнялось иными смыслами: уже не искусство было побудительной причиной устройства жизни, а самая жизнь настигала искусство и его творцов, выкраивая их судьбы по своим лекалам. В изломе эпохи ушедшее, бывшее, давнее становилось близким и родным. В этом контексте Киммерия была идеальным местом для Волошина и стала таковой для Архиппова, это их общее пространство, шире – пространство высокой культуры, обращенное не к настоящему, а к далекому прошлому.

Они познакомились в 1927 г. сначала заочно через В. А. Рождественского, ученика Н. С. Гумилева и хорошего знакомого М. А. Волошина, и тогда же началась переписка Архиппова и Волошина, теперь полностью опубликованная. Уже в первом письме Архиппов признается, что творчество поэта ему близко, что Киммерия давно его пленила. «Я давно знаю о ее необычном пейзаже и о ее древности... еще со времени иллюстраций К. Ф. Богаевского» [5, с. 268]. Живший и погибший в Феодосии К. Ф. Богаевский был духовным и душевным другом Максимилиана Волошина, они часто бывали друг у друга в гостях, обменивались работами. Им обоим Киммерия была подлинной родиной [подробнее см.: 7]. С глубоким сочувствием и пониманием пишет Архиппов о работах Волошина в письме их автору от 1 января 1928 г.: «Когда смотришь на Ваши акварели (те немногие, что были перед моими глазами) – мне всегда кажется: это земля, только что застывшая после огненной катастрофы... В Ваших картинах ландшафт-покров (Тютчевский покров над Хаосом) – противопоставляется плоскому ландшафту поверхности за кот<ор>ой ничего нет» [5, с. 276]. Буквально уже через год в письме от 25 января 1929 г. появляется более глубокое понимание существа волошинских изображений:

«Ваши картины живут ... они – фрагменты тайной легенды, одной легенды – властительной и пленяющей. И в каждой акварели – подход к древнему сюжету, уводящему, содержащему неисчерпаемые чары» [5, с. 296]. Киммерия открывается Архиппову «обетованной страной, таинственной, обращающей ... к поклонению» – из письма от 25 марта 1929 г. [5, с. 303].

Наконец, в июне 1931 г. Архиппов с женой приезжают в Коктебель, где проводят две недели холодного лета. Архиппов к тому же заболевает, но ничто не могло помешать его общению с Волошиным. В письме к сыну Иннокентия Анненского, В. И. Анненскому-Кривичу, он пишет в декабре 1931 г.: «В Коктебеле не было в это время никого из гостей Максимилиана Александровича, и мы спокойно бродили по его мастерской (по этому необыкновенному храму) и его кабинету: зимнему и летнему (библиотеке). Теперь я надолго пленен Карадагом, лазурным заливом, самой судьбой и образом Максимилиана Александровича» [5, с. 369]. В письме к Волошину от 17 мая 1932 г. он признается: «Я ловлю с жадностью, с неустанным вниманием каждый отзвук из Коктебеля, ставшего для нас, без всяких преувеличений, страной священной» [5, с. 396]. А 11 августа этого же года «киммерийская ночь в мохнатых звездах, в пеплах катастроф покрыла Судию и Пророка» (Архиппов) – Максимилиан Волошин умер.

В память об обретении им «страны священной» – Киммерии, в память о Судии и Пророке этой страны Архиппов пишет летом 1934 г. «ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ» [4] (далее название и все греческие слова будут даваться в латинской транслитерации, чтобы избежать недоразумений с диакритикой). Публикатор текстов Архиппова, Т. Ф. Нешумова, замечает: «Несмотря на болезнь, заставившую ЕА (Евгения Архиппова. – И. Е.) больше половины срока пролежать в постели, он вел дневник. Эти отшлифованные после смерти Волошина поденные записи составили его “Ephemeris Kimmeria”, текст исключительно насыщенный фактами, показывающий свойственную ЕА почти апостольскую ответственность свидетельства» [11, с. 503]. Между тем на предложение М. С. Волошиной написать для музейных надобностей воспоминания об общении с Волошиным Архиппов сообщает ей в письме от 7 января 1935 г.: «Я очень рад был бы это сделать, но для этого необходим покой и досуг, а не моя тяжелая служба. Если взять фрагменты из моих записей: – “Ephemeris Kimmeria”, то они

будут очень случайны и уж очень субъективны, их нельзя предложить для чтения каждому человеку, хотя бы и посетителю Музея им. М. А. Волошина» [5, с. 496–497]. Если «Ephemeris Kimmeria» – сугубые факты, по утверждению публикатора, то как же быть с субъективностью, на которой категорически настаивает Архиппов? Но главное – эти записи «нельзя предложить для чтения каждому человеку». Вот, думается, где кроется главный смысл. «Ephemeris Kimmeria» – для посвященных, потому факты суть внешняя оболочка скрытых смыслов.

Итак, текст называется «Ephemeris Kimmeria». Это название составлено Архипповым из двух существительных женского рода единственного числа, представляя словосочетание, содержащее грамматическую ошибку, явно намеренную. Напомню, Архиппов окончил классическую гимназию, затем Московский Императорский университет, где классические языки изучались очень хорошо. Потому не мог не знать, что в древнегреческом языке слова в словосочетании согласуются. Как правило, первое слово является определяемым, в данном случае Ephemeris (И. п., ед. ч.), а второе – Kimmeria выполняет в данном случае функцию несогласованного определения, которое должно иметь форму генетива – Kimmerias, отсюда грамматически правильная форма данного словосочетания – Ephemeris Kimmerias. Архиппов сознательно делает ошибку. Отсюда рождается явная несогласованность, некий разлад (правда, понятный не всем, только *знающим*), что имеет прецеденты в истории философской мысли, например, именование работы Ф. Ницше «Der Fall Wagner» (в замечательном переводе К. Свасьяна «Казус Вагнер»). В подобном названии содержится указание на некий разлад, некое нестроение, зафиксированное в нарушении грамматики. Публикатором текста «Ephemeris Kimmeria» дается перевод – «Киммерийский дневник», но в таком случае второе слово должно писаться как *kimmerikē* «киммерийский», чего нет в названии, данном Архипповым.

Слово *ephemeris* имеет значение «дневник, поденные записи». Самое древнее (исходное) значение – «дневная записка» [8, с. 144]. Потому, следуя авторской логике, все-таки точнее было бы перевести заглавие, сохранив два существительных. Например, «Дневник Киммерия», как вариант – «Эфемериды Киммерия». В обоих случаях сохраняется грамматическая несогласованность (во втором варианте более явственная), сохраняющаяся в первоисточнике. Но этот перевод,

увы, столь же малопонятен, как и, например, прямая калька с древнегреческого – «Ефемерис Киммерия». Можно было бы перевести поэтично, увеличив количество слов: «По дням пишу я Киммерия». Или (уж совсем фантазийно!), вспомнив о Розанове, с которым Архиппов и его первая жена были знакомы, состояли в переписке, перевести «*Листва Киммерия*».

Я специально привела все эти варианты, чтобы название обрело свойственную ему семантическую подвижность. В этой условной подвижности отражается драматизм ситуации, острое чувство кратковременности не только пребывания в Крыму, но самой жизни автора и его героев в ситуации времени – вторая половина июня 1931 г., когда голод и болезни, порожденные теми ужасами, что происходили в стране, сопровождали Архиппова и Волошина.

Как и положено дневнику, все записи «Ephemeris Kimmeria» имеют датировку, но еще – именованная. Если эти именованья выписать и соединить (в данном случае через тире), то получится вот такой текст: «*Отплытие – Волны и розы столетий – Кок-Тенз-Эли. Три встречи: мудрец, Таиак, Карадаг – Castellum Maximilianum – Лик торжественного и скорбного Коктебеля. Страны силы в образе Коктебеля – Голос набата и голос прибоя – Каменная островерхая роза – «Ассирии дно» – Трехгранные жилища. В комнате Гумилева – «Камни горят, как алмазы» – Поэт, мудрец, дитя. (Ризы и маски) – Прохладная келья – Опыт сердца и опыт ступеней (Перед акварелями) Киммерия трижды увиденная. Акварели – Статуэтка Ахматовой. Музыкальная комната – Двухединый миф – Поход на Кучук-Иени-Шары – Фамиры и камни (Прощание)*». Между первым и финальным названиями располагается текст, отсылающий к глубокой древности, сквозь которую автор видит Киммерию XX столетия. Этот текст читается как зашифрованное послание, как тайнопись, понятная только посвященным, к которым Архиппов относил себя, Волошина и тех, кому сей язык свой. Здесь посетители музея, конечно, ни к чему, чем вполне объясняется отказ Архиппова.

За каждым названием идет небольшой текст. Приведу несколько примеров.

«6-е июня 1931 г. *Отплытие*» [4, с. 244]. При таком названии ассоциации с поэмой Гомера неизбежны, потому в тексте закономерно находим *гомеровскую корзину с хлебом и вином* [4, с. 244], которая должна спасти и спасет отправ-

ляющегося в Крым автора. Во время плавания древний мир словно возникает из *«Волн и роз столетий»*, как именуется запись от 7 июня, в которой передаются впечатления автора от увиденных им картин. Архипповым буквально воссоздается живая архаика, вполне видимая: гора Опук, в которой странным образом соединяются гомеровские и апокалиптические черты; невидимые следы Эвридики; циклопические стены. Архаика оживает в цитируемых рассказах Волошина, фрагменты которых вспоминает Архиппов, явно не отделяя его от этой самой архаики. Более того, он видит мир сквозь акварели Волошина, в частности, очертания Феодосии, открывающиеся Архиппову с палубы парохода. И вот он на родной земле Феодосии, вот гимназия, где он учился вместе с Волошиным, вот «Киммерийские сумерки» Волошина, сквозь которые он соприкасается «с воздухом и землей древнейшей магической страны» [4, с. 245]. Уже с первых страниц Волошин незримо сопровождает Архиппова, они еще не повстречались в реальности, но кажется, что и не расставались, настолько живы и непосредственны воспоминания.

Архаика – смыслообразующее пространство записей Архиппова, которые начинаются с имени Гомера и заканчиваются Гесиодом. А в центре этого пространства – Максимилиан Волошин. Он никогда не дается через описание каких-то внешних данных, но всегда – как прорастание архаики через ее фрагменты. Потому образ Волошина мозаичен, всегда подвижен. Вот его облик при первой встрече по приезде в Коктебель: голос, нежные губы в «буйной Зевсовой растительности» [4, с. 247]. Античный мотив рождается сразу же по той причине, что уже изначально (еще во время поездки на пароходе) Волошин возникает через античные напластования Киммерии, родные ему, что нисколько не мешает Архиппову обнаружить одновременно в его лице «апостольские» очертания [4, с. 247]. Записи 13–17 июня имеют название: *«Ч. I. “Камни горят, как алмазы”», «Ч. II. Поэт, мудрец, дитя (Ризы и маски)»* [4, с. 260–263]. Здесь Архиппов стремится создать целостный облик Волошина, но все время сталкивается с одной и той же трудностью: подвижностью характеристик, их взаимопроницаемостью. «Перед тобой – не полный человек, а легкий миф, укрытый золотыми, тяжелыми ризами» [4, с. 261]. Потому общение с Волошиным всякий раз открывает Архиппову какую-то новую грань в «Киммерийском маге» [4, с. 262]. Это тоже своеобразное «путешествие»

Архиппова на пути понимания личности Волошина во всей сложности и полноте.

Пребывание в Доме Поэта дается Архипповым все в том же ключе путешествия, движения: «Из столовой через веранду и маленькую переднюю» – в Мастерскую, *Castellum Maximilianum* [4, с. 248]. Латинское слово *castellum* – это, конечно, «замок», но еще и «крепость», «убежище», это нечто особое, отделенное от окружающего мира. А если вспомнить, что этимологически имя Максимилиан связано с понятием *maximus* – ‘большой’, ‘великий’, в том числе – в характере, образе мыслей, то сквозь латинское именование вырисовывается образ благородного человека, чье творчество и есть его убежище. *Castellum Maximilianum* не имеет границ, не знает времени, языковых преград: египетскую царевну Таиах окружают японские эстампы, ветви эвкалипта, барельефы, полки с книгами на разных языках, бумаги на столах [4, с. 248]. Но движение продолжается – и вот герои оказываются в летнем кабинете, «верхней обители Мастерской» [4, с. 249]. Центральное место занимает стена масок – В. Суриков, Л. Толстой, который «скорее напоминает Эсхила», «Достоевский в посмертном ликовании, одутловатая маска Петра I, маска Пушкина, окруженная венком... маска страшного, как бы казненного Гоголя» [4, с. 249]. Кажется, русская культура двух столетий вместились в это пространство, не утратившее благодаря Эсхилу связи с античностью.

Архиппов мастерски соединяет путешествие по Дому Поэта с посещением раскопок Каллиэры, чей образ в акварели воссоздал Волошин. Так происходит совмещение пространств – ушедшего и словно возрожденного в Доме Поэта.

Перерывы в путешествиях заполняются чтением хозяином-путеводителем своих и чужих стихов. И финал этого дня – как мощный аккорд, чтение Волошиным поэмы «Владимирская Богоматерь» (1929) с посвящением исследователю иконописи, реставратору, раскрывшему икону Владимирской Богоматери (XII в.) – Александру Ивановичу Анисимову (1877–1937), тогда еще живому, не расстрелянному [подробнее см.: 9] «Верный страж и ревностный блюститель / Матушки Владимирской, – тебе – / Два ключа: златой в Ее обитель, / Ржавый – к нашей горестной судьбе» [6, с. 108]. В этом «посыле», как именовал посвящение Волошин, схвачена самая суть человеческой жизни в изломе эпохи. Владимирская Богоматерь – как вечный идеал бытия и горестная судьба страны, ввергнутой в бесчеловеч-

ный эксперимент по устройению «счастливой» жизни, требующей многочисленных жертв [подробнее см.: 10]. Рядом с этим кошмаром ночной Карадаг, «громоздкое чудовище со складчатой щетинистой спиной», как на картинах Богаевского, и «мохнатые» киммерийские звезды в их торжественном хороводе [4, с. 271] неукротимо влекут к себе, словно могут защитить. Киммерия – полумифическая страна, в которой Волошин чувствует себя, как дома: Киммерия и «Поэт, образуя, творя и восполняя друг друга, составляют двуединое зерно одного неповторимого мифа» [4, с. 272]. При этом миф, в понимании Архиппова и Волошина, есть абсолютная реальность, о чем автор записей размышляет 21 июня, давая своим размышлениям именованье *«Двуединый миф»*.

Современное Архиппову и Волошину пространство литературы также дается сначала в именовании, а потом уже разворачивается в тексте. Таких записей всего две:

12 июня 1931 г. *«Трехгранные жилища. В комнате Гумилева»* [4, с. 259];

19 июня <1>931. 12-й день. *«Статуэтка Ахматовой. Музыкальная комната»* [4, с. 269].

Здесь словно пересекаются пути трех супружеских пар – двух реальных (Архиппов и его жена Надежда Сергеевна, Волошин и его жена Мария Степановна) и уже не существующей семьи (Гумилев и Ахматова). Кажется, трагическая судьба Гумилева незримо витает и над теми, кто еще жив. Гумилев бывал в Коктебеле, гостил у Волошина летом 1909 г., был полон сил и написал в этой комнате-«кеleyке» (прозвание дано из-за малых размеров) поэму «Капитаны», посвященную Е. И. Дмитриевой-Васильевой (Черубина де Габриак). По свидетельству Дмитриевой-Васильевой, они писали эту поэму в Коктебеле вместе [14, с. 560]. В начале 1920-х гг. скульптор Н. Я. Данько (1892–1942) подарила Волошину изысканный образ Ахматовой, фарфоровую статуэтку своей работы. Эту статуэтку Архиппов именует *необыкновенной и прелестной драгоценностью* [4, с. 270], уделяет описанию всего одно предложение, но выносит в заглавие, что сразу расширяет пространство ее бытия, мистическим образом соединяя с Гумилевым. Статуэтка, на самом деле, прелестна: хрупкая, вытянутая фигурка Ахматовой, на одно плечо небрежно наброшена шаль, которая, кажется, вот-вот упадет, знаменитая челка и матовое лицо с опущенными глазами. Статуэтка – своеобразная реплика и на известный портрет Ахматовой, выполненный Н. И. Альтманом в 1914 г., и на стихи

О. Э. Мандельштама: «Вполоборота, о, печаль, / На равнодушных поглядела. / Спадая с плеч, окаменела / Ложноклассическая шаль. / Зловещий голос – горький хмель – / Души расковыривает недра: / Так – негодующая Федра – / Стояла некогда Рашель» («Ахматова», 1914).

Записи Архиппова полны ассоциаций, из которых складывается художественный интертекст культуры, чуждый профанному восприятию и понятный «своим». В разряд «своих» входят писатели, художники разных стран и времен: А. А. Сидоров, Вс. А. Рождественский, М. Н. Розанов, Е. И. Дмитриева-Васильева (Черубина де Габриак), Е. Ф. Юнге, В. И. Суриков, Л. Н. Толстой, С. Д. Меркуров, Эсхил, Ф. Вийон, Б. И. Ярхо, П. де Ронсар, Ж. М. де Эредиа, Г. А. Шенгели, С. Я. Парнок, А. П. Чехов, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, Д. Ривера, М. Л. Мане-Кац, В. В. Бобрицкий, К. С. Петров-Водкин, З. И. Елгаштина, К. Ф. Богаевский, Э. Ф. Голлербах, М. Н. Розанов, Ф. Лаурана, С. В. Шервинский, Ф. Сологуб, А. И. Введенский, Э. А. Блох, Н. И. Хрустачев, М. Н. Загоскин, М. И. Шаронов, В. Харт, В. М. Баруздина, А. Я. Головин, Э. Виттиг, Б. Н. Матвеев, Е. С. Кругликова, В. В. Державин, Б. В. Савинков, В. Б. Успенский, С. М. Соловьев, П. М. Дульский, П. Е. Корнилов, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Г. Габричевский, В. К. Звягинцева, С. Н. Дурылин, В. И. вдовиков, А. Белый, С. Малларме, Ж. А. Б.д'Оревилли, И. Г. Эренбург, А. Т. Матвеев, А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, К. Е. Костенко, Н. Я. Данько, Э. А. Юнге, Ю. Л. Оболенская, В. А. Галанов, В. А. Жуковский, Гомер.

Все имена взяты из «Ephemeris Kimmeria» по мере их появления, поэтому по алфавиту не отрегулированы специально. Этот именной список дает представление о едином пространстве культуры, его текста, в котором имена известные соседствуют с менее известными, а то и вовсе неизвестными. Пестрота их не должна смущать, она сродни той пестроте, что отличает глаза древнегреческих изваяний богов. Пестрота – это собранное в единство разное, различное, это различная целостность, воплощенная в личности и творчестве Максимилиана Волошина, что было близко и дорого Архиппову.

В конце только замечу, что условный Волошинский текст Архиппова много больше, чем только «Ephemeris Kimmeria». В этот текст входят и эпистолярный, и воспоминания, и упоминания по разным поводам. И конечно, стихотворе-

ние «Воспоминание об Учителе (М. А. Волошине)», где чувство глубочайшей скорби передано в строках «Там душа моя скита-ется, / где в горах воздвигнутый Эреб» [2, с. 49]. Здесь личное горе сливается с горем России, ввергнутой в пучину большевизма.

Библиографический список

1. Андроник (А. С. Трубаев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского [Текст]: в 6 книгах. – Книга вторая. – Сергиев Посад: Фонд науки и православной культуры свящ. Павла Флоренского, 2015. – 688 с.
2. Архиппов, Е. Я. Воспоминание об Учителе (М. А. Волошине) [Текст] / Е. Я. Архиппов // Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус: в 2 т. / сост., подгот. текста, статья и коммент. Т. Ф. Нешумова. – М.: Водолей, 2016. – Т. 1. Стихотворения и проза. – С. 49–50.
3. Архиппов, Е. Я. Вс. Мейерхольду [Текст] / Е. Я. Архиппов // Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус: в 2 т. / сост., подгот. текста, статья и коммент. Т. Ф. Нешумова. – М.: Водолей, 2016. – Т. 1. Стихотворения и проза. – С. 73.
4. Архиппов, Е. Я. ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ [Текст] / Е. Я. Архиппов // Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус: в 2 т. / сост., подгот. текста, статья и коммент. Т. Ф. Нешумова. – М.: Водолей, 2016. – Т. 1. Стихотворения и проза. – С. 244–275.
5. Архиппов, Е. Я. Рассыпанный стеклярус: в 2 т. / сост., подгот. текста, статья и коммент. Т. Ф. Нешумова. – М.: Водолей, 2016. – Т. 2. Письма. – 832 с.
6. Волошин, М. Владимирская Богоматерь [Текст] / М. Волошин // Волошин М. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / общ. ред. Б. А. Филиппова и др. – Paris: YMKA-Press, 1984. – Т. 2. – С. 105–108.
7. Едошина, И. А. Культурфилософский аспект в житнетворчестве Максимилиана Волошина [Текст] / И. А. Едошина // Соловьевские исследования. – Иваново. – Вып. 4 (44). – 2014. – С. 156–181.
8. Коссович, И. А. Древнегреческо-русский словарь. Репринт 1858 г. [Текст] / И. А. Коссович. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 144. – 366 с.
9. Кызласова, И. Л. Александр Иванович Анисимов (1877–1937) [Текст] / И. Л. Кызласова. – М.: Изд-во Московского государственного горного университета, 2000. – 89 с.
10. Лавров, А. В. «Владимирская Богоматерь» Максимилиана Волошина: проблема основного текста [Текст] / А. В. Лавров // Лавров А. В. Русские символы: этюды и разыскания. – М.: Прогресс-Плеяда, 2007. – С. 339–344.
11. Нешумова Т. Ф. О Евгении Яковлевиче Архиппове [Текст] / Т. Ф. Нешумова // Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус: в 2 т. / сост., под-

гот. текста, статья и коммент. Т. Ф. Нешумова. М.: Водолей, 2016. Т. 2. С. 461–515.

12. Розановская энциклопедия [Текст] / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 2020 стлб.

13. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь [Текст] / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 672 с.

14. Эльзон, М. Д. Примечания [Текст] / М. Д. Эльзон // Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы / сост., подгот. текста и примеч. М. Д. Эльзон; вступ. статья А. И. Павловский; биогр. очерк В. В. Карпов. – Л.: Советский писатель, 1988. – С. 535–604.

Bibliograficheskij spisok

1. Andronik (A. S. Trubachev), igumen. Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svjashhennika Pavla Florenskogo [Tekst]: v 6 knigah. – Kniga vtoraja. – Ser-giev Posad: Fond nauki i pravoslavnoj kul'tury svjashh. Pavla Florenskogo, 2015. – 688 s.
2. Arhippov, E. Ja. Vospominanie ob Uchitele (M. A. Voloshine) [Tekst] / E. Ja. Arhippov // Arhippov E. Ja. Rassypannyj stekljarus: v 2 t. / sost., podgot. teksta, stat'ja i komment. T. F. Neshumova. – M.: Vodolej, 2016. – T. 1. Stihotvorenija i proza. – S. 49–50.
3. Arhippov, E. Ja. Vs. Mejerhol'du [Tekst] / E. Ja. Arhippov // Arhippov E. Ja. Rassypannyj stekljarus: v 2 t. / sost., podgot. teksta, stat'ja i komment. T. F. Neshumova. – M.: Vodolej, 2016. – T. 1. Stihotvorenija i proza. – S. 73.
4. Arhippov, E. Ja. ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ [Tekst] / E. Ja. Arhippov // Arhippov E. Ja. Rassypannyj stekljarus: v 2 t. / sost., podgot. teksta, stat'ja i komment. T. F. Neshumova. – M.: Vodolej, 2016. – T. 1. Stihotvorenija i proza. – S. 244–275.
5. Arhippov, E. Ja. Rassypannyj stekljarus: v 2 t. / sost., podgot. teksta, stat'ja i komment. T. F. Neshumova. – M.: Vodolej, 2016. – T. 2. Pis'ma. – 832 s.
6. Voloshin, M. Vladimirskaia Bogomater' [Tekst] / M. Voloshin // Voloshin M. Stihotvorenija i pojemy: v 2 t. / obshh. red. B. A. Filippova i dr. – Paris: YMKA-Press, 1984. – T. 2. – S. 105–108.
7. Edoshina, I. A. Kul'turfilosofskij aspekt v zhiznetvorchestve Maksimiliana Voloshina [Tekst] / I. A. Edoshina // Solov'evskie issledovanija. – Ivanovo. – Vyp. 4 (44). – 2014. – S. 156–181.
8. Kossovich, I. A. Drevnegrechsko-russkij slovar'. Reprint 1858 g. [Tekst] / I. A. Kossovich. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. – S. 144. – 366 s.
9. Kyzlasova, I. L. Aleksandr Ivanovich Anisimov (1877–1937) [Tekst] / I. L. Kyzlasova. – M.: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta, 2000. – 89 s.
10. Lavrov, A. V. «Vladimirskaia Bogomater'» Maksimiliana Voloshina: problema osnovnogo teksta [Tekst] / A. V. Lavrov // Lavrov A. V. Russkie simvolisty: jetjudy i razyskanija. – M.: Progress-Plejada, 2007. – S. 339–344.

11. Neshumova T. F. O Evgenii Jakovlevic Arhippove [Tekst] / T. F. Neshumova // Arhippov E. Ja. Rassypannyj stekljarus : v 2 t. / sost., podgot. teksta, stat'ja i komment. T. F. Neshumova. M. : Vodoley, 2016. T. 2. S. 461–515.

12. Rozanovskaja jenciklopedija [Tekst] / sost. i gl. red. A. N. Nikoljukin. – M. : ROSSPJEN, 2008. – 2020 stlb.

13. Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar' [Tekst] / Gl. red. P. A. Nikolaev. T. 1. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1989. – 672 c.

14. Jel'zon, M. D. Primechanija [Tekst] / M. D. Jel'zon // Gumilev N. S. Stihotvorenija i pojemy/sost., podgot. teksta i primech. M. D. Jel'zon ; vstup. stat'ja A. I. Pavlovskij ; biogr. ocherk V. V. Karpov. – L. : Sovetskij pisatel', 1988. – S. 535–604.

Reference List

1. Andronik (A. S. Trubachev), abbot. Way to God. Personality, life and works of Priest Pavel Florensky: in 6 books. – Second book. – Sergiyev Posad: Fund of science and Orthodox Culture of Priest. Pavel Florensky, 2015. – 688 p.

2. Arkhipov E. Ya. Reminiscence of the Teacher (M. A. Voloshin). The scattered bugles: in 2 v. / author of text, article and comment T. F. Neshumova. – M. : Vodoley, 2016. – V. 1. Poems and prose. – P. 49–50.

3. Arkhipov E. Ya. To Vs. Meyerhold. The scattered bugles: in 2 v. / author of text, article and comment T. F. Neshumova. – M. : Vodoley, 2016. – V. 1. Poems and prose. – P. 73.

4. Arkhipov E. Ya. ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ. The scattered bugles: in 2 v. / author of text, article and comment T. F. Neshumova. – M. : Vodoley, 2016. – V. 1. Poems and prose. – P. 244–275.

5. Arkhipov E. Ya. The scattered bugles: in 2 v. / author of text, article and comment T. F. Neshumova. – M. : Vodoley, 2016. – V. 2. Letters. – 832 p.

6. Voloshin M. Vladimir Mother of God // Voloshin M. Poems and poems: in 2 v. / a general edition of B. A. Filippov, etc. – Paris: YMKA-Press, 1984. – V. 2. – P. 105–108.

7. Edoshina I. A. Culturephilosophic aspect in Maksimilian Voloshin // Soloviev researches. – Ivanovo. – Issue 4 (44). – 2014. – P. 156–181.

8. Kossovich I. A. Ancient Greek-Russian dictionary. Reprint of 1858h. – M. : Book house «LIBROKOM», 2012. – P. 144. – 366 p.

9. Kyzlasova I. L. Aleksandr Ivanovich Anisimov (1877–1937). – M. : Publishing house of Moscow State Mining University, 2000. – 89 p.

10. Lavrov A. V. «Vladimir Mother of God» of Maksimilian Voloshin: problem of the main text // A. V. Laurels. Russian symbolists: etudes and investigations. – M. : Progress-Pleyada, 2007. – P. 339–344.

11. Neshumova T. F. O Evgeny Yakovlevich Arkhipov. The scattered bugles: in 2 v. / author of text, article and comment by T. F. Neshumova. M. : Vodoley, 2016. V. 2. P. 461–515.

12. Rozanovskaya encyclopedia/author and editor-in-chief A. N. Nikoljukin. – M. : ROSSPEN, 2008. – 2020 parts.

13. Russian writers. 1800–1917. Biographic dictionary/editor-in-chief P. A. Nikolaev. V. 1. – M. : Sovetskaya encyclopedia, 1989. – 672 p.

14. Elzon M. D. Notes // Gumilev N. S. Poems and poems/author M. D. Elzon; foreword by A. I. Pavlovsky; bibliographic sketch by V. V. Karpov. – L. : Sovetskij Pisatel', 1988. – P. 535–604.